

ДМИТРИЙ БЫКОВ

КВАРТАЛ

ПРОХОЖДЕНИЕ

ЭТО ПЕРВАЯ ТАКАЯ КНИГА! ЭТО НУЖНО НЕ МНЕ, А ВАМ!

18+

Дмитрий Львович Быков

Квартал. Прохождение

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6496425

Квартал. Прохождение: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-082362-8

Аннотация

Дмитрий Быков – пожалуй, самая непредсказуемая фигура в современной литературе, а «Квартал» – самая загадочная его книга. Это увлекательный квест, где главный герой – читатель. Каждый день на протяжении трех месяцев вы должны совершать самые абсурдные действия. Но при ближайшем рассмотрении они ничуть не абсурднее, чем кликанье мышью в компьютерной игре... Автор гарантирует: после прохождения «Квартала» любой обретет богатство и независимость. Главное – дойти до конца!

Содержание

От издателей	4
Из интервью с автором	6
От автора	14
Предметы, которые понадобятся вам для прохождения игры	18
КВАРТАЛ. ПРОХОЖДЕНИЕ	22
15 июля	22
16 июля	25
17 июля	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Львович Быков

Квартал. Прохождение

От издателей

Как многие изобретения и тексты, «Квартал» приходит в Россию кружным путем. Пять лет назад эту книгу на родине автора отвергли все издательства, не говоря уж о журналах. На фрагментарную публикацию, предложенную эзотерическими и малотиражными «Направлениями», он не пошел по очевидным причинам. Выкладывать текст ежедневными порциями в Сеть было тем более бессмысленно – это лучший способ похоронить идею на всемирной помойке. Понадобились два десятка изданий на десяти языках, «Квартальный» бум в США и Латинской Америке, конференция в Оксфорде, инициированная «Кварталом» кампания за возвращение в обиход бумажной литературы, чтобы книга, изданная под псевдонимом Иван Солюшин (Ivan Solution), привлекла внимание отечественного издателя и вышла на родном языке.

Это помогло нам получить единственное интервью, появившееся в «Снобе» и сопровождавшее первое издание «Квартала» на португальском языке. Подчеркиваем: это единственное известное интервью Автора, категорически отказывающегося встречаться с прессой всё то время, пока

он скрывался под псевдонимом. (Пресловутая беседа беседа по скайпу с мексиканским «NAVEGADOR» – очевидный и бездарный фейк.) С разрешения Автора мы приводим этот наш разговор в качестве предисловия к первому изданию на родине, чтобы избавить читателя от хождений по многочисленным FAQ'ам и дать ему полную информацию из первых уст.

Из интервью с автором

– Вы обещаете читателю, выполнившего все ваши рекомендации, не только счастье – его все трактуют по-разному, – но и вполне конкретное богатство.

– Это так. И согласитесь, шале, на втором этаже которого мы беседуем, отчасти подтверждает мои слова.

– Но количество денег и благ в мире ограничено. Что, если все последуют вашим рекомендациям?

– Это опасение так же наивно, как страх толстовских современников: что, если все примут «Крейцерову сонату» как руководство к действию?! Ведь прервется род человеческий! Не бойтесь: если Евангелие, подкрепленное воскресением Христа и многочисленными свидетельствами его чудес, за две тысячи лет не обратило человечество к добру и правде – чего ждать от скромного описания духовной практики, своего рода интеллектуальной физкультуры? Разбогатеть и так очень просто, уверяю вас. Деньги валяются под ногами. Нужно только нагнуться – но как раз нагибаться люди и не хотят. А что, если у меня не получится? Что, если друзья увидят меня полусогнутым? Что, наконец, если я потом не разогнусь? Не преувеличивайте готовности людей открыться новому знанию. Чтобы с должным терпением и аккуратностью выполнить все рекомендации, изложенные в «Квартале», нужно куда больше решимости и ума, чем для полного

прохождения серьезного компьютерного квеста. Тем более что здесь все происходит непосредственно с вами – вы и есть герой этого квеста, и ни цель, ни смысл игры вам неизвестны. Известен в лучшем случае один из побочных результатов – обогащение. Большинство проходимцев – так я иронически называю тех, кто предпочитает именоваться «дошедшими», – сообщают также о достижении внутренней гармонии, некоторые обрели счастливую любовь, почти у всех улучшилось здоровье... Но это, так сказать, факультативные результаты – их может и не быть. Я гарантирую вам только богатство. И обещаю, что за него не придется платить слишком дорогую цену.

– *То есть?*

– То есть это не тот случай из «Сталкера».

– *При каких обстоятельствах вы получили откровение, первый импульс, саму идею «Квартала» – назовите как хотите?*

– Это единственный вопрос, на который я не могу вам ответить.

– *Единственный?*

– Да. В остальных ответах можно отделаться казуистикой, эзотерической демагогией, юмором – но не здесь.

– *Значит ли это, что способ передачи откровения был не вполне обычным?*

– Не знаю, что вы подразумеваете под «обычным способом передачи откровения».

– Понятно. Это и есть обещанная эзотерическая казуистика. Спросим иначе: стоит ли за «Кварталом» некая рациональная теория – или это результат интуиции, стихийного озарения?

– Вполне рациональная теория, появившаяся, скажем так, при не совсем рациональных обстоятельствах. Вы же не станете отрицать молитвенную практику? Вследствие выполнения некоторых обрядов – иногда простейших, иногда сложных, как жертвоприношение или долгая аскеза – в вашей жизни наступают перемены, чаще всего непредсказуемые. Далеко не все, как вы знаете, худеют в результате поста. Пост – не диета. Отсечение крайней плоти не делает вас ни умней, ни чище, ни даже неуязвимей перед специфическими заболеваниями. Отбивание определенного числа земных поклонов никаким рациональным образом не ведет к исцелению от пневмонии, похоти или перхоти. Безмолвный диалог с тем идеальным родителем, которого вы принимаете за Бога и называете на письме с большой буквы, не приближает вас к исполнению заветных желаний. Тем не менее путем долгих наблюдений человечество пришло к выводу, что именно эти действия и размышления в строгой последовательности делают вас лучше, а вашу жизнь – безопаснее. Мне посчастливилось расширить алгоритм, только и всего.

– Но между молитвой и духовностью есть хоть какая-то связь, за Великим постом стоит конкретная пасхальная мифология и т. д. Действия, которые предлагает «Квар-

тал», нарочито абсурдны.

– Вовсе нет. Не стану вдаваться в подробности, но эксперименты с Буппи и другими его товарищами помогают избавиться от второй личности – точнее, вынести ее вовне и объективировать; цельность, как вы знаете, способствует успеху. Если брать совсем широко – заметьте, я не напускаю тумана и не понтуюсь, по-русски говоря, – комплекс упражнений «Квартала» в пределе ведет к избавлению от лишней зависимостей, а если еще откровеннее – помогает выпасть из разнообразных граф и рубрик. Человек, выпавший из ниши, уже не подлежит действию тягостных закономерностей. «Квартал» учит своеобразному «шагу в сторону», выходу из обыденности. Именно с этого начинается путь к тому, что я называю метафизической удачей. К этой метафизической удаче готовы не все, и оттого главный прыжок делают лишь немногие читатели «Квартала» – не более десятой части. Однако для этого прыжка и сопутствующих ему мероприятий нужны, как правило, деньги. Очень жаль, что большинство читателей ограничиваются их получением и считают это конечной целью всего мероприятия.

– *Здесь угадывается перспективная франшиза – «Квартал-2», «Квартал-2.1», «Квартал Красных Фонарей»...*

– Увы. Никакая франшиза невозможна. На первом уровне «Квартала» вам уже дано все необходимое – внутренняя свобода и деньги. Дальше каждый решает только сам. То и другое несложно истратить.

– *Согласитесь, вы оставляете своего героя в довольно странной точке.*

– На свете – по крайней мере в литературе – хорошо только странное, все остальное давно написано. Но эта точка как раз не странна – она довольно естественна. Я оставляю читателя на вершине, на полюсе, откуда ведет бесконечное количество дорог: в любовь и свободу, в жизнь и смерть, в продолжение путешествия и в дом, который можно теперь выстроить где угодно, кроме, конечно, этой точки. Можно, впрочем, рассматривать ее и как дно. Тем неизбежнее подъем.

– *На Западе некоторые истолковали этот финал как призыв к самоубийству...*

– Не на Западе, а на Востоке, в Японии, где вообще всё толкуют как призыв к самоубийству. Им только предлог дай... Нет, соблазн смерти – испытание, воспитание смертью там совсем в другой главе, но зашифровано это так, что читатель проходит через опасную точку, почти не чувствуя ее. Мысль о смерти нужна, но как фон, а не как вершина. Сосредоточенность на ней вообще дурна – как на любой промежуточной ступени: кто-то на смерти, кто-то на сексе, кто-то на еде... А надо сосредоточиться на другом, на том, к чему я отфутболиваю читателя, заставив его побиться о 90 преград и рамок: 15 октября он влетает прямо в лунку. Да, это пинбол – вполне уважительное сравнение.

– *Будете ли вы что-то писать и публиковать под соб-*

ственным именем?

– Конечно. Вряд ли это будет напоминать «Квартал».

– *Некоторые утверждают, что все это затеяли издатели с единственной целью – спасти бумажную книгу от вытеснения электронной.*

– Изящный ход, но тоже побочный. Я не скрываю, что бумажная книга кажется мне более антропной, более, что ли, человекоудобной, чем электронная. Однако «Квартал» не может быть электронным по определению: как вы из электронной книги вырвете страницу, чтобы сложить голубка, как в рекомендации от 7 августа, или оставить записку, как в рекомендации от 5 августа? После правильного прохождения «Квартала» ваш экземпляр лишится доброй трети страниц, а остальные будут в таком виде, что для перечитывания лучше сразу покупать второй экземпляр. Тем более что при выполнении рекомендаций первый часто теряется.

– *Гениальный маркетинговый ход.*

– Банальный здравый смысл.

– *У вас, наверное, навязли в зубах вопросы о пикаперстве...*

– Навязло в зубах пикаперство, поскольку клерк противен и сам по себе, а клерк, записавшийся в секту, противен настолько, что минус на минус почти обращается в плюс. «Тренинг личностного успеха», предлагающий своим адептам публично спеть, подарить зажигалку соседу по сабвею или возненавидеть родителей, которые так неправильно его

воспитали, – зрелище скорее трогательное, чем отталкивающее. Сквозь парфюм разномастной – чаще всего американской – шарлатанской терминологии пробивается такое амбре менеджера низшего звена с брянским прошлым... Зайдите в любое азиатское кафе типа «Япоши», в любую чашку-кружку-рюмку-манию-фобию, и за соседним столиком молодой человек в мятом костюме будет клеить девушку с плохой кожей и неестественным смехом, говоря при этом дословно следующее: «Пойми, мне нужен как бы позитив, с охуенно высокой мотивацией», – и размахивать, размахивать руками. «Квартал» предлагает вам билет на самолет и небольшой чемодан с самым необходимым впридачу – жаль, если вам понадобится только чемодан. Пикап учит вас за огромные деньги, путем бессмысленных усилий и жестокой ломки украсть ручку от этого чемодана или носовой платок, лежащий на его дне.

– Напоследок позвольте спросить серьезно.

– А это все было как?

– Это было для «Сноба», а последний вопрос – наш личный. Как вы сами определяете жанр «Квартала»: это роман в непривычной форме, лирическая поэма, пародия на учебники жизни, эзотерический трактат, религиозная литература?

– Перечисленные вещи не кажутся мне взаимоисключающими. Толстой о «Воине и мире» – простите за аналогию – говорил: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее ис-

торическая хроника». Так вот: это роман, еще более поэма, еще более учебник жизни и пародия на него, а нерелигиозной литературы не бывает так же, как и безадресной молитвы. Впрочем, там есть жанровое определение, которое меня вполне устраивает. «Квартал» – это прохождение. Солюшин, проще говоря.

От автора

Главный герой этой книги – вы, читатель.

Это первая такая книга в истории человечества.

Только от вас зависит, насколько убедительно выстроится сюжет, как будет обстоять дело с эмоциями и смыслом.

Это не рассказ о действиях и взглядах каких-то никому не нужных и, может, давно умерших, а то и никогда не существовавших людей. Это рассказ о том, что будете делать вы, здесь и сейчас, в эти три месяца.

И если вы все сделаете хорошо, это будут хорошие три месяца и хорошая книга.

Стартовые условия неважны, а финишные я уже предусмотрел.

Скажу сразу: это нужно не мне, а вам.

Все, что было нужно мне, я уже сделал.

Я посягаю всего на три месяца вашей жизни – один квартал с 15 июля по 15 октября.

Вы можете начать практику в любой другой день, но результат не гарантирован. Проще говоря, его не будет.

Отклонения от рекомендаций допустимы только в том случае, если вы хотите обесмыслить всю затею. Прохождение не требует никаких специальных жертв, физической подготовки и особенных талантов. Все, что нужно для строгого выполнения рекомендаций, вы приобретете по ходу. Ни

один совет не опережает ваших возможностей. Ничего невыполнимого в книге нет.

Главный бич детективщиков – стремление читателя непременно заглянуть в конец и узнать, кто убил герцогиню. За двести лет бурного развития детектив справился с этой опасностью: техничные писатели научились громоздить в финальном монологе сыщика (до прибытия полиции 40 минут, и есть время объяснить собравшимся, почему скрутили именно садовника) такое количество имен и обстоятельств, что без внимательного чтения 347 пропущенных страниц читатель ногу сломит. Все обошлось бы, Руперт, но вы не учли того, что в кармане у Пэйлин были не только ключи. Там был еще и триграм. Как?! Ведь я отдала его Шарлотте! Ха-ха. Поймите, Лайза, никакой Шарлотты не было в природе. Это переодетый Эверетт. Не может быть, я спал с ней! Мало ли с кем вы спали, Уилкс. Вы спали и с Холли, а между тем это был я. Какая Холли, черт побери? И самое главное: откуда в финале вдруг является садовник – когда действие перенеслось на верхнюю палубу «Королевы-бабушки»?! Уметь надо, дорогие друзья, и я умею. Не стану грозить вам смешными карами – вы можете хоть сейчас заглянуть на последнюю страницу и узнать конечный пункт нашего прохождения, и, если завтра вы сломаете ногу, это не будет иметь ровно никакой связи с вашим нынешним нетерпением. Просто нетерпеливые люди часто ломают ноги, хотя иногда им везет. Заглядывайте куда хотите, листайте книгу

в любом порядке – она построена так, что понять ее логику, и то не наверняка, может только тот, кто проделает все прохождение от начала до конца. Ведь чтение прохождения к любому квесту ничего не скажет вам о квесте, хотя часть удовольствия вы себе испортите.

Я не заставляю, не соблазняю и не уговариваю. Следовать или не следовать рекомендациям «Квартала» – ваше личное дело. Прохождение не потребует от вас ни денежных трат, ни подвигов. Оно совместимо с работой – если только вы не дежурите круглосуточно – и с любыми семейными обязанностями. В паре особо оговоренных случаев вам потребуются на день-другой сменить местожительство, но учтите, что при тщательном соблюдении всех предыдущих инструкций это необходимо для вашей же безопасности. Можете проверить, но не советую.

После 17 августа, 9 сентября и 3 октября в вашей жизни могут произойти значительные изменения, которые приготовят вас к финальной перемене. Если после 9 сентября ничего не изменится, вы нарушили какую-то из инструкций. 15 июля следующего года можно начать сначала. Продолжать бессмысленно: вреда не будет, но и толку тоже.

Действия, рекомендуемые «Кварталом», могут показаться вам абсурдными. Но они ничуть не абсурднее, чем кликанье мышью сначала на плохо нарисованного полицейского, а потом на масленку, чтобы полицейский поскользнулся на масле и не сумел схватить кривоногую Арабеллу, кото-

рая ускользает в щель между мирами, чтобы пронести в зловещую Монструозию спасительный артефакт в виде черных сатиновых трусов. А ведь подобным занятиям вы посвятили не один час и притом без всякой надежды на обогащение.

Я обещаю вам только одно: полное прохождение «Квартала» гарантирует вам богатство, независимость и счастливые личностные перемены. Смешно гоняться за ребенком с ведром черной икры, умоляя попробовать ложечку. Глядишь, втянется, и что тогда делать?

Желаю удачи.

Предметы, которые понадобятся вам для прохождения игры

1. Бесплезная вещь, которая вам дорога.
2. Плезная вещь, которая вам не нужна.
3. Вещь, которую вы давно собирались выбросить.
4. Вещь, которую вы купили не позднее, чем три месяца назад.
5. Вещь, которая напоминает вам о детстве.
6. Вещь, которая вдвое больше пачки сигарет.
7. Вещь, которая вдвое меньше пачки сигарет.
8. Вещь размером с пачку сигарет.
9. Вещь, которая не принадлежит вам по праву.
10. Вещь, о приобретении которой вы жалеете.
11. Мягкая игрушка.
12. Вещь, которая появилась у вас неизвестно откуда (вы не помните ее происхождения).
13. Вещь, которую приятно взять в руки.
14. Вещь, которую держал в руках близкий человек.
15. Вещь, связанная с вашей ошибкой (напоминающая о ней).
16. Головоломка.
17. Смешная вещь.
18. Книга на иностранном языке.

19. Фотография незнакомой местности.
20. Прядь волос.
21. Вещь, напоминающая часть человеческого тела.
22. Компактная вещь белого цвета.
23. Купюра.
24. Зеркало.
25. Драгоценность (Украшение).
26. Вещь, принадлежавшая умершему.
27. Вещь, которую вам подарил неприятный человек.
28. Вещь, похожая на вас.
29. Поводок для собаки.
30. Политическая карта мира.
31. Карта звездного неба.

Если у вас нет вещи, подходящей под какое-нибудь из описаний, ее можно попросить у кого-то, можно украсть, но не советую покупать. Нарушая эти условия, вы не обманете никого, кроме себя. Некоторые предметы могут совмещать в себе несколько нужных качеств, например, вам может быть дорога мягкая игрушка меньше сигаретной пачки, которая напоминает вам о детстве. В таком случае выберите то качество предмета, которое в нем выражено сильнее всего.

ВНИМАНИЕ! Все предметы должны быть подготовлены до 15 июля. Храните их в надежном месте и не перепутайте.

КВАРТАЛ. ПРОХОЖДЕНИЕ

Андрею и Алисе

15 июля

Перепечатайте на компьютере следующий текст.

Июльские вечера полны невыносимой грусти. Три-четыре дня в середине июля – пауза, все застыло на вершине, как черно-белые ночные облака все еще светлой ночью. Это те самые облака, которые медленно-медленно переходят границу над ружьем часового, пока, набегавшись на даче, спит девочка Светлана, выставив из-под одеяла ноги, искусанные комарами, исхлестанные травой.

Тихи июльские ночи, даже собаки не брешут. Пик лета, с которого начинается спуск вниз. Этот спуск едва обозначается, как первая звезда около девяти вечера: играешь в бадминтон, задираешь голову, чтобы отбить волан, и видишь, как в серо-фиолетовом небе мерцает голубая точка. И с соседнего участка пахнет цветущим табаком. Вот тогда и понимаешь, что ничего этого не будет больше никогда.

На тихом июльском закате обязательно видишь в небе паруса. Мне всегда казалось, что за домами нашего

квартала, на котором тогда обрывалась Москва, – порт, гавань, краны, прибытие и убытие небесного флота, и даже сейчас, когда за нашими домами бесконечные новые улицы и никаких колхозных полей, я там вижу эти корабли. Часов в пять-шесть там закипают все цвета тревоги в спектре от алого до лимонного, полощутся, плещутся, прощаются. Когда-нибудь я улечу в этом направлении, и это будет гораздо раньше, чем вы все думаете.

В этой паузе всегда ходят по горизонту низкие тучи, в них поблескивает, иногда они проливаются дождем, а иногда уходят, погромыхав. Наши горизонты обложены тучами, мы вышли из безоблачной, молочно-зеленой, туманной и нежной поры. Теперь все будет всерьез. Кончилась акварель: июльское небо написано маслом. Совсем немного до августовской резкости, когда вода и небо из густо-синих станут свинцовыми. Жара и ливни – вот наше время. Все нервничают, мужчины предполагают худшее, женщины истеричны и податливы, а потом еще более истеричны.

Мы начинаем, когда уже случилось все самое летнее – отцвела сирень, черемуха, жасмин, я уж не говорю про вишни и яблони, которые цветут всего неделю; вот уже и липой не пахнет, все определилось, завязалось и плодоносит; мы начинаем на переломе от глупой юности к скучной зрелости или, если хотите, от юной свежести к зрелой мудрости, но это неправда. Мы начинаем, когда закончилось все самое лучшее, и нам предстоит все самое интересное: старость, смерть,

бессмертие.

16 июля

Сегодня вы должны составить план Квартала.

Квартал – место, где вы живете. Если вы живете в сельской местности, это ваша деревня или село. Если в городе – все совсем просто: это ваша улица от перекрестка до перекрестка, квадрат, ограниченный двумя улицами и двумя переулками, со всеми кафе, магазинами, тайными ходами и скверами, которые там расположены. Как вы разместите эти названия на карте Квартала, ваше личное дело. Названия, которые вы им дадите, – тоже. Как пользоваться этими названиями – показано в небольшом пособии под названием «Маршрут».

В Квартале должны быть:

1.

Улица (переулок) благих начинаний, вызывающая у вас добрые чувства. Она же Квадрат счастья. Ведь вы давно здесь живете. Здесь должно быть место, которое вам нравится, которое вызывает чувство защищенности, блаженства, освобождения. Может быть, вы когда-то здесь впервые прочли интересную книжку, а может, почему-то эта улица напоминает вам Париж, Барселону, Сидней, сколько там еще на свете прекрасных мест, испорченных пошляками. Но в Па-

риж и Барселону пошляки ездят и пачкают их своими сальными травелогами – что-нибудь типа «Необходимость путешествий» или «Невозможность путешествий», про то, как они открыли для себя Гауди или закрыли Ван Гога. А на эту вашу улицу они не приедут никогда, и это гораздо более настоящий Париж, чем тот, в который вы рано или поздно попадете. Или уже попали – и все поняли.

2.

Точка, где вы всегда чувствуете опасность. Такая точка обязана быть в любом Квартале. Откуда берется это чувство – я сам не скажу. Может, когда-то вас тут чуть не переехал мотоцикл, а может, здесь вас подстерегал в детстве отвратительный тип, вымогавший деньги. Но чаще всего это иррационально. Бороться с этой точкой мы не будем, потому что иррациональное чувство опасности чаще всего правильное.

Иногда – довольно часто – эта точка может оказаться в одно время опасной, а в другое благоприятной. Скажем, на закате она опасная, а на рассвете, напротив, благоприятная. Ночью она вообще невыносимая, а днем просто противная. Тогда у нее должны быть два названия. Кстати, если эта точка действительно амбивалентна – то есть иногда благоприятна, а иногда нет, – вы относитесь к группе «Б», и для вас будут дополнительные упражнения.

3.

Улица, которую вы торопитесь поскорее пройти, потому что на ней одолевают неприятные чувства или воспоминания. Возможно, вы еще эту улицу не определили. Тогда она должна у вас определиться в ходе упражнений. Вам все равно сегодня обходить Квартал, вот и заметите. Может быть, она просто сулит вам физические неудобства, там идет стройка, и приходится делать крюк, а может, у вас одышка, и там неприятно идти в гору, а потом под гору. Короче, это улица скуки, неприятных размышлений, стыда за прошлое. Такая улица есть всегда. Иногда это связано с неприятным, угрюмым домом, стоящим на ней, а может, там находится ваша бывшая школа. Не путайте это место с точкой опасности: скука – совсем другое дело.

4.

Точка (сквер, перекресток), где с вами обязательно произойдет что-то важное, скорее хорошее. Еще не произошло. Но произойдет обязательно. Мы всегда чувствуем эти места рядом с домом: может быть, возвращаясь из школы (с работы), мы думали, что встретим там единственную любовь, абсолютное взаимопонимание. А может быть, именно на этой

улице мы хотели бы услышать телефонный звонок о присуждении нам Нобелевской премии – то есть именно там хорошо обозреть пейзаж и удовлетворенно сказать: я всегда это знал. А может быть, мы просто чувствуем, что здесь, в этом доме, родится ребенок, который спасет мир. Такое тоже бывает. У меня, например, такой перекресток есть, и именно на нем планируются особенно важные действия. Если у вас еще нет такой точки, обойдите Квартал еще раз и хорошо подумайте. Не прислушайтесь к себе, это чаще всего бесполезно, – а просто подумайте. 16 июля – отличный день, чтобы хорошо подумать.

5.

Улица, на которой всегда приходят хорошие мысли, творческие решения, просто удачные строчки. Если она находится вне вашего Квартала, в другой части города, – не страшно. Просто включите ее в Квартал. Необязательно ведь ограничиваться окрестностями дома. В конце концов, весь мир – наш Квартал. Назовите ее как хотите, но так, чтобы в ее названии была отражена эта главная особенность – стимулировать творческие способности. Подчеркиваю, это не улица Удачных Финансовых Решений или Выгодных Вложений. Это улица, на которой вы чувствуете внезапную способность перерасти себя, получить откуда-то прекрасные стихи или точный поступок. Лучше, конечно, чтобы она была поближе

к дому – удобней. А то вдруг она за границей? Как вы будете туда летать, чтобы выполнить задания, относящиеся к ней?

6.

Улица, ассоциирующаяся с любовью или ее ожиданием, на которой вам чаще всего встречаются влюбленные. Или сквер. Или угол. Но именно там ближе к весне появляются парочки, на которые вы смотрите с завистью, или сами вы там назначаете встречи под часами, или просто в этой точке Квартала вас всегда томит мысль о любви, о том, что настоящая жизнь проходит мимо вас, и это ваш личный выбор. Возможно, это просто улица, где много сирени, или арка, где особенно удобно целоваться.

7.

Улица дождя, то есть именно та часть Квартала, которая всплывает в вашей памяти при слове «дождь». Первая ассоциация с дождем. Место, где хорошо от него прятаться, или точка, где вы по-настоящему промокли, или подворотня, где увидели собаку, прячущуюся от дождя, и подобрали ее или просто прошли мимо. Иногда никаких личных ассоциаций нет – а просто эта часть Квартала всегда представляется вам мокрой, с дробящимися отражениями, с фонарем, из кото-

рого хлещут струи, как из душа.

8.

Место, где дети катаются со снежной (ледяной) горки. Такое место обязательно есть в любом Квартале, потому что в любом Квартале есть дети, а дети не могут без горки. Она может быть металлической, деревянной, искусственной – а может быть холмом вполне естественного происхождения, просто с него хорошо съезжать на попе.

9.

Недоступная точка. Место, где вы никогда не бывали. Это может быть посольство, куда никого не пускают, или двор закрытого учреждения, или просто смрадная помойка, куда никто не заходит. Или, что вероятней всего, вы просто ходите всю жизнь мимо этого угла, а туда никогда не заглядывали, потому что времени не было или страшно. В любом Квартале есть точка, мимо которой вы ходите, даже если прожили тут всю жизнь. Найдите это место, спросите себя, почему вы никогда не заходили сюда, и дайте ему название Атлантического переулка, от слова «Атлантида». В остальных названиях вы свободны, но это – обязательное.

10.

Место, которое изменилось сильнее всего. Это может быть улица, а может быть один дом. В любом случае это точка, которая за последние два-три года претерпела наиболее радикальные изменения. Или построили дом, или снесли, или был елочный базар, а стало место торговли арбузами, или был прелестный магазин сувениров и смешных игрушек, а стал отвратительный, промасленный магазин запчастей. Или был сквер с песочницей, а стала стройплощадка, и скоро здесь вырастет новый банк, уже заранее отравляющий всю атмосферу на 100 метров в диаметре. Точка перемен, одним словом. Такая есть почти в каждом Квартале. Например, было дешевое студенческое кафе, закрыли, сделали китайский ресторан, снесли, построили спа-салон, закрыли, открыли отделение сбербанка, закрыли, теперь вообще ничего нет. А потому что не надо закрывать студенческое кафе, люди там радовались, а теперь им радоваться негде, и в силу их обиды и разочарования быть пусту месту сему.

Карту надо начертить на ватмане, чтобы было красиво. Как пользоваться Кварталом – лучше всего это умеют подростки, наделенные воображением, – рассказано в следующем фрагменте.

МАРШРУТ

Слим задержался в подъезде, оттягивая выход. Идти страшно не хотелось, но надо было кормить семью. Семье надо есть, вот в чем дело. Жаль, что этим ни перед кем не оправдаешься. Грузная соседка, забыл как зовут, вскарабкалась по ступенькам и проползла мимо. Слим сочувственно поздоровался. Сейчас он радовался даже ей – все-таки своя, сюда еще неизвестно, вернешься ли.

Связной должен был ждать его на улице Красной Собаки, в четверти часа неспешной ходьбы, но сегодня надо было идти медленно, смотреть очень внимательно. Карвер подобрался ближе, чем когда-либо. Все было пропитано его дыханием, даже лифт гудел недоброжелательно. Бывают такие дни. Спускаясь, Слим правым локтем коснулся перил, а левой рукой провел по дребезжащим серым почтовым ящикам: он понимал бессмысленность этих ритуалов, но когда однажды со страшным усилием ими пренебрег – лучше не вспоминать, что было.

Оказавшись на улице, он первым делом засек время: 17:45. И погода, как назло, стояла отличная, в такую погоду бы куда угодно, только не на маршрут, маршрут он ненавидел, а проделывать его приходилось дважды в неделю. Он прикинул: как сегодня – через Святительскую или по Змеиной?

По Змеиной дольше, но безопасней: петляет, хуже просматривается. Выключил мобильник. Лучше бы вообще оставить дома (Слим не знал уже толком, где дом, но настоящий был так далеко, что приходилось называть так это скудное жилище с несчастными, близорукими, непонятливыми соседями, завязавшими свои жизни в такой невообразимый узел), однако ровно в 17:00 надо было просигналить, отфиксироваться на так называемой базе. Сунул мобильник в карман, ноги сами понесли на Змеиную, но не прошел и шести шагов, как сзади деликатно шаркнули, и Слим, оглянувшись, увидел своего агента, Рыжего: имен собственных ангелов-хранителей он не знал, так меньше было риска, что выдаст их, если дойдет до худшего. Странно, он ни о чем не предупредил Рыжего – должно быть, тот торчал у окна от нечего делать, чистая, трогательная душа; сидел на подоконнике, как любил сам Слим, глядя на улицу, чувствуя тепло от батареи – конец сентября, только что затопили, – увидел, что человек вышел на маршрут, ну и выбежал, безмолвный спутник. Но сегодня рисковать Рыжим было нельзя, а палить Рыжего – и подавно. Слим никогда не заговаривал с ним. Была система знаков, выработанная в молчаливых диалогах по общему согласию: Слим остановился и посмотрел на часы, почесал в затылке и снова посмотрел. Рыжий должен был понять, он понимал всегда.

Но на этот раз, как назло, он ничего не понял – застыл в пяти метрах позади и тоже принялся чесаться. Что он хочет? Если бы отвернулся, Слим бы понял,

это означало бы: иди себе, я по своим делам. Но он стоял, уставившись на Слима, бедный дурак – почему у меня в добровольной охране только такие простые души, неужели я сам какой-то больной, что притягиваю только их? Слим топнул правой ногой, ноль реакции. Ну же, ну, умолял он, догадайся хоть как-то, ведь у вас, дураков, говорят, телепатия развита. Иди домой, сегодня опасно. На его счастье, в этот момент вниз по горбатой Змеиной дунула серая кошка, тощая и драная, с ближайшей помойки – Рыжий отвлекся, и Слим поспешно свернул во двор. Он пересек его наискось, прошел мимо скрипучих качелей, на которых вяло раскачивалась, толкаясь одной ногой, девочка в красном беретике, и оказался на Повстанческой с ее желтыми березами и кривыми, старыми липами. Красный берет, подумал он. Нет, это вряд ли. Совсем уже сдвигаюсь.

Он поглубже засунул руки в карманы и стал подробно продумывать маршрут – это был лучший способ успокоиться: допустим, Повстанческая. Радости мало, но для такого дела семь верст не крюк. Грех сказать, он не любил эту улицу, потому что именно на ней тогда... впрочем, мы договорились об этом не. Теперь нам короче всего будет через Пьяную, если только там не пристанет хвост... оставь, осадил он себя, с какой стати хвост? Кто вообще мог предположить, что тебя понесет в противоположную сторону? Дальше мы срезаем через Французскую, берем вправо на Аптечной – и вот она, пожалуйста, Красная Собака,

хоть и с другого конца. Он усмехнулся. А ведь и погода прекрасная. Конец сентября, а какая густая синева, ни в каком марте такой не увидишь. И эта старая клумба с торчащими сухими стеблями, живого только и осталось – вечно цветущие бархотки, ярко-оранжевые, уже потемневшие по краям. Тревожное было в бархотках, он что-то забыл. Никогда нельзя идти дальше, если что-то забыл. Он обошел клумбу. Хорошо бы сейчас тринкету, моду на тринкеты ввел Смайлс, прелестный человек, один из немногих понимающих, – и его, как всех понимающих, перевели, и вот уже год они не виделись. Смайлс уверял, что тринкета прибавляет ума, они всей компанией тогда ходили с этими баллончиками, посмеиваясь над собой, а все же немного шикуя. Но тринкеты не было, и Слим сосредоточился без нее. Нечетное число, вспомнил он. Французская исключена.

В другое время Французская была лучшим выходом: короткая, уютная, зеленая, не содержавшая в себе ничего французского, но что же делать, он там на скамейке читал когда-то именно о Париже, и с тех пор Париж связался с улицей безвестного героя со скучной фамилией. Он давно привык к этой личной топографии, чтобы даже во сне не проговориться об истинном маршруте. 29-е, какая уж тут Французская. Возьмут сразу, не посмотрят, что трижды кавалер. Что же делать, что же мне делать, соображал он лихорадочно, не забывая поглядывать по сторонам: проехал велосипедист, прошла старуха с собакой,

хвоста не было. В смысле у собаки тоже не было, мопс. Слим усмехнулся. Хорошо, если не Французская, у нас есть Забытый переулок. Как всегда, о нем вспоминаешь в последний момент. Да, но это еще пять минут задержки. Ничего, сказал он себе. Перетерпят. В конце концов, связь нужна им, а не мне. И он решительно отправился на Пьяную.

– Здорбво, – сказала Вэл.

Вот уж кого он не ожидал встретить – и не мог сразу решить, хорошо это или плохо, что на углу стоит Вэл, независимая, спокойная, дикая, удивительным образом сочетающая надежность и опасность. Он был испуган и счастлив одновременно. Он никогда не знал, как вести себя с Вэл. Он знал только, что страшно рад ее видеть, не видел уже две недели, и хотя она понятия не имела о маршрутах, о Карвере, обо всей безумной паутине сложнейших обстоятельств, в которую превратилась его жизнь, – иногда ему казалось, что она знает всё и больше, чем все. Женщины, они умеют это. И вышла она сейчас не просто так, а потому, что почувствовала, каково ему на самом деле.

Вэл вела странную жизнь. Слим не знал толком, здесь она живет или на окраине, и возраст ее назвал бы лишь приблизительно, и даже цвет глаз не вспомнил бы, хотя она смотрела прямо на него, даже, пожалуй, не без вызова. Но, несмотря на всю эту неопределенность, в главном он не сомневался: на всем маршруте Вэл была единственным человеком, который не предаст, ах, нет, и это не так, и как не идет к ней само это слово, – просто

она была единственной, кому он рад, не той убогой радостью, с какой провожал в подъезде старуху, а той, которая настигала его иногда, весенними вечерами, в Забытом переулке.

– Здорбво, – сказал он небрежно.

– Куда идешь?

Он вздрогнул. Это был пароль, но вчерашний. Дуры бабы, вот так всегда с ними: скажет не подумавши, а серьезный человек голову ломай.

– Да есть тут у меня, – сказал он со смешком, – одно дельце.

– Слышал, чего с Серым сделали?

Ого, понял Слим. Все она знает, нечего было от нее прятаться. Конспиратор, щенок.

– Рассказали, – кивнул он.

– Серый сам виноват, – сказала она торжествующе. – Я ему когда еще говорила, а он говорит – ничего не будет, я знаешь под кем хожу? Доходился.

– Слушай, это, – сказал Слим, не желая поддерживать опасный разговор. – Мы бы, может, сходили как-нибудь, а?

– Куда сходили? – спросила она настороженно, подойдя ближе, и это был уже совсем явный знак – опасно, говорила она, иди отсюда сейчас, говорила она.

– Ну в кино, – с последней надеждой произнес Слим. Это значило: шанс есть, я не Серый, я хожу под теми, кого ты не знаешь.

– Чего там делать, – сказала она и покусала губу. Ей не надо было этого делать, он и так понял. В

этом было уже прямое унижение, хуже, чем тогда, на Повстанческой.

– Ну в театр, – сказал он уже нагло. Она не могла не ответить на этот вызов. Слим не удивился бы даже пощечине. В конце концов, мелькнуло у него в голове, перед кем притворяемся, зачем вся эта конспирация? Разве что ее слушают... – В театр, а?

– Совсем ты ваще, – сказала Вэл, но в ее голосе он явно слышал одобрение.

– Да просто так можно куда угодно, – проговорил Слим, осмелев. – Не сейчас только, меня ждут сейчас.

– Кто тебя ждет-то, – ответила она с великолепно разыгранным пренебрежением, но он мгновенно подсчитал в уме: 13 букв. Значит, засады нет, и она знает.

– Да уж есть кому. («Спасибо. Я знал. Завтра здесь же».)

– Мелочь есть? – спросила она. – Коктейль хочу.

Не может быть, чтобы у Вэл не было денег. Но тогда это значит... Черт!

– Лишних нет, – ответил он грубо.

– Ну и топай валяй.

Он улыбнулся ей нежно и благодарно. Это значило: пока я здесь, путь свободен. Он прошел еще сто метров, оборачиваясь: она так и стояла у стены, нога согнута в колене, руки скрещены на груди. Еще бы ей сигарету, и совсем бы классический вид. Но он так и думал о ней с благодарной нежностью: то, что Вэл стояла на углу, означало, что прямой опасности пока нет. Под

ее взглядом ничего не могло случиться. И следующий укол тоски он почувствовал, только дойдя до остановки «Школа».

О, проклятый режим; Слим, может, потому только и вошел в Лигу, что не мог больше спокойно жить в мире, где такие места называются школами. Сотни, тысячи людей ходили мимо и понятия не имели, что в действительности делается там, за этими стенами, в подвале-лабиринте, выдаваемом за бомбоубежище, в длинной пристройке, которую снаружи принимали за спортзал. Цитадель, пыточная камера, тюрьма, казарма, инкубатор, все вместе – каждый этаж отвечал за свое, но всех обманывал идиллический фасад с профилями, спортплощадка с баскетбольными кольцами, цветы на окнах... Если бы они на миг представили, что там делается, – они обрушили бы забор, повалили охрану, выдавили решетки первого этажа; но никто не решался сказать вслух, а может, уже и не поверили бы. Растление дошло до того, что перестали верить очевидному: тогда, на Повстанческой, многие видели, но никто даже не остановился. Слим знал это место, столько раз, рискуя жизнью, проникал сюда неузнанным, наизусть, разбудил его ночью, рассказал бы, где какой кабинет, – но сейчас прошел мимо, стараясь не смотреть направо. Внезапно его прошиб холодный пот: надо было позвонить, отметить – а он так далеко от базы; о черт. Ничего, скажем отсюда. Но не на улице же было делать контрольный звонок – он осмотрелся и быстро зашел в арку. Оттуда хорошо просматривалась улица и виден

был кусок двора, заваленного каштановой листвой.

– Да, – сказал он, когда отозвались. – Я на полпути примерно.

– Почему на полпути? – с неудовольствием сказал Папа. Кто придумал эту кличку для человека, сроду никого не назвавшего «сынок»? Вечно эта потребность очеловечивать начальство.

– Там надо было обойти, – сказал он уклончиво.

– Что обойти?

– Дорожные работы.

– Где, какие дорожные работы?

Идиот, выругался про себя Слим. Кретин. Когда они выучат коды?!

– Я перезвоню, – сказал он.

– Слушай, – буркнули в трубке. – Не забывай, что сегодня суббота.

– Я такие вещи не забываю, – огрызнулся Слим и отключился. Слава богу, теперь никаких звонков до объекта. Он проверил на всякий случай бумаги, которые должен был передать связному: на месте. По двору на бесконечно печальном самокате ехала бесконечно печальная толстая девочка. Мир был полон угнетения, и если бы не Забытый – Слим бы так и не улыбнулся за весь маршрут; но Забытый искупил бы дюжину таких путешествий.

Есть места, где хорошо, и Слим догадывался, почему. Вероятно, здесь был портал, через который он мог бы вернуться домой, и вернется рано или поздно, когда поймет наконец, в какой последовательности

производить уже угаданные действия (более сильные чувства вызывал третий справа клен, восьмая скамейка, почему-то очень нравился желтый кирпичный дом, по которому так скользило солнце, придавая ему цвет совершенно уже нездешний). Вообще в Забытом все указывало на другой мир, из которого сюда просачивались небывалые краски: иногда какое-нибудь зеленоватое рваное облако на горизонте, на фоне подъемного крана, говорило больше, чем всякая книга, чем любое кино. И люди здешние словно подмигивали, они были Слимю приятны, и он им был приятен, просто так, ни за что. Везде листья гнили, а здесь шуршали, и рос на повороте странный куст с красными ветками – по весне, когда начиналось движение соков, они прямо-таки пламенели, и Слим не знал, что за куст, а спросить не решался, потому что сразу выдал бы себя. Он знал, что опаздывает, но позволил себе постоять в Забытом минут пять, не больше, и впервые с дивной ясностью увидел последовательность, которую – не сейчас, конечно! – надо было применить для перехода, нельзя было пренебрегать возможностью, надо досмотреть... но тут все переменялось, это длилось долю секунды, и мир, в котором он очнулся, был уже мир Карвера. Оказалось, и Забытый ни от чего не спасал.

– Ты блб, – сказал ему на варварском наречии адский местный с совершенно белыми глазами. Злоба, переполнявшая его, искала выхода, он словно лопался по всем швам, потому и тарасился так.

Слим смотрел на него, понимая, что последнюю степень защиты в этих обстоятельствах применять нельзя – нельзя ни по какой конвенции, ни при каких вводных, этого не простят, будь ты кавалер хоть трижды, хоть десятижды. Он не мог сказать ни слова, и все-таки даже теперь на дне его души шевелился не ужас, нет, то было любопытство: он еще не встречал таких и хотел знать, как они действуют. Жаль ему было только связного.

– Ххль тты тттудт, – повторил белоглазый невнятной прежнего. – Ттты, тты хххухль.

Но Забытый есть Забытый, и в следующую секунду Слим был чудесно спасен – по крайней мере от этой опасности, явно не последней, как подсказывала медленно наполнявшаяся болью голова. Из подъезда выскочила женщина изумительной роковой красоты, несколько волчьей, с заостренными и явно неместными чертами – портал, портал, даже не уговаривайте! – и, ни звука не произнося, несколько раз ударила белоглазого полотенцем, а потом ухватила за лапищу и властно поволокла за собой, и он пошел покорно, как за матерью, даже не обернувшись. Слим хорошо ее запомнил – на ней был только халат, белый с лиловыми цветами и кое-где смуглыми дырами; под халатом не было ничего, он не столько видел, сколько чувствовал это. Вместе с ней на секунду вырвалась на улицу волна чужих запахов, неместных, неопределимых – если суп, то каково должно быть существо, из которого он сварен?! Слим еще немного постоял, регулируя

дыхание, и двинулся дальше, к повороту на Аптечную, но все было уже не то, все более и более не то; и он был к этому готов, потому что Карвер его почуял, не мог не почуять.

Сначала впереди замаячил странный сутулый ровесник – Слим нарочно не стал его обгонять, ибо это мог быть банальный, классический хобот (слежка спереди, в противоположность хвосту). Скоро, однако, он убедился, что человек впереди как-то уж чересчур медлителен и шаток, идти в таком темпе значило уж наверняка пропустить все сроки, и Слим решился на обгон. Только природная выдержка удержала его от вскрика – это был не ровесник, а старик, с лицом, наполовину затянутым кожаной маской: что было под этой маской – Слим боялся домыслить. Может, там была ужасная рана, а может, мясной нарост, но старик явно был болен, над маской видны были только страдальческие глаза, и одет он был чересчур тепло для конца сентября – нет, таких к нему не подсылали, и Слим, стыдясь здоровья, виновато ускорил шаг. Темнело, и от встречи со стариком на душе стало еще хуже – он физически ощущал, как сгущается Карвер, как из каждой встречной машины, из любого куста глядят стальные глаза. Слим ускорил шаг – а этого делать не следовало, никак не следовало, ибо на полупустой субботней улице он выделялся теперь неуместной деловитостью, и тот, кому поручено было задержать его любой ценой, уже шел следом, Слим слышал его шаги.

Он не оглядывался. Профессионал не оглядывается. Кавалер не оглядывается тем более. Мы скажем все по звуку, по этому дробному, то нарастающему, то отдаляющемуся, кого выслали за нами на этот раз. Слим представлял его с болезненной ясностью, настигавшей его теперь все чаще. Это веселый, ненамного старше его, играющий с ним, как кошка с мышкой, глумящийся, легкий, снисходительный, безошибочный убийца; ошибкой всех прежних была, конечно, их паучья серьезность. Но у этого с юмором все было в порядке, и потому внезапные парадоксы Слима, его броски в подворотни или через стадионы, его внезапные исчезновения в подъездах или прыжки на подножку не могли ввести в заблуждение: он читал, предугадывал. Карвер рано или поздно должен был найти такого человека, сколько можно бегать от него, рано или поздно он просчитает твою манеру – и тогда надо будет резко ее менять, а меняться поздно. Слим знал это и надеялся на одно. Если в окне седьмого дома будет цветок, есть надежда. Слим помнил имя этого цветка, это был амариллис, его ни с чем не спутаешь, это тебе не кустарник с красными ветками. Он видел это окно на прошлом маршруте и приметил два бутона – тугих, длинных; в литературе утверждалось, что цветок будет огромный и яркий. Слим нарочито замедлил шаг – преследователь тотчас остановился – и резко наддал ближе к седьмому дому: ну же, ну!

Зажглись фонари, и поначалу в темной комнате было ничего не разобрать. Лишь взглядевшись, Слим с

ужасом понял: они убрали цветок! Они унесли его с подоконника вообще! Более ясного знака он не получал на всем маршруте.

Собственно, можно было не спешить. Он взглянул на часы: 18:50. Все свободны.

И в эту секунду из окна второго этажа хлынула музыка – кто-то бурно и радостно, кое-как, с грубыми ляпами забарабанил божественную и торжественную, какую же еще, мелодию древнего языческого танца, песнь девушки, танцующей на тамтаме. Может, это было не фортепьяно, а просто кто-то включил телевизор – но этот звук, варварский, дикий и бодрый, дал Слиму последний толчок. Он собрался с духом и оглянулся.

В трех шагах от него стоял Бак – унылый тип из соседнего дома.

– А я иду думаю ты не ты, – как всегда, без знаков препинания сказал Бак.

– Я, – подтвердил Слим. – А что?

– Ниче думаю иду ты не ты.

– Я, я. А ты куда?

– Я никуда я так. А ты че ты куда.

– И я никуда, – сказал Слим. Если они завербовали уже и Бака, значит, дело их совсем тухлое, вообще уже не на кого опираться. Этого мы сделаем. Господи помилуй, а мы ожидали легкого, страшного, умного. А это Бак, мусорный бак. Черт с тобой, бак.

– Я пошел, – сказал Слим.

Но, как только он отвернулся, музыка «Барабанного танца» сменилась адским галопом, и сзади раздалась

все более решительные, сильные и твердые шаги. Как он мог обмануться! Разумеется, Бак был личиной. Еще чего. Станет Бак преследовать его на Аптечной. С какой стати?! Это был тот, новый, умеющий ко всему прочему так изменять внешность, что даже он, Слим, купился на первый раз. Но теперь в нем взыграли такие злость и обида, что прежнюю покорность как рукой сняло. Он мельком глянул на часы: 18:55. Еще повоюем. Нельзя, нельзя включать последнюю степень. Он ускорился и перешел на бег. Сзади затопали, потом вдруг отстали. Бешено визгнули тормоза. Ага, оторвался. Поворот на Красную Собаку был уже перед ним, он в два прыжка добежал до угла, повернул – и увидел, как старуха у дверей заведения переворачивает табличку.

Когда он подбежал к дверям, на нем лица не было – даже старуха отшатнулась.

– Тетенька, – выдохнул Слим, – пустите, пожалуйста, очень надо.

Булочная закрывалась по субботам в 19:00, и толстуха уже готовилась сдавать кассу, но он скорчил такую умильную рожу, что его пустили. Времени как следует выбрать батон уже не оставалось, да и наивно было ждать, что к закрытию останется что-то приличное, – но он старательно пересчитывал несколько булок железной вилкой на веревке и выбрал, как ему показалось, не самые каменные. Еще надо было полбуханки черного круглого деду – другого он не ел, – и булку брату, черт бы его побрал совсем. Приди он раньше, и выбор был бы побогаче, и батоны помягче –

но тут уж надо было выбирать: либо поход в булочную превращается в маршрут, либо это просто поход в булочную, угрюмая вещь, особенно по субботам.

– Ну ты быстрее, а? – торопила его уборщица. Ей тоже хотелось домой. За окном совсем стемнело, выходить не хотелось, но на обратном пути ему уже ничто не угрожало: на обратном пути, через Фурманова, потом по Октябрьской и метров сто по Димитрова, Карвер уже не имел никакой силы. Вообще приобретение хлеба странным образом ослабляло Карвера. А если не ослабляло, всегда можно было доехать на 34-м, но тогда не хватило бы на тринкету.

– Земляничную, – попросил он.

Через тридцать лет Карвер все равно достал его на этом самом повороте, когда он не успел его проскочить под носом грузовика. С некоторыми играми надо расставаться вовремя, а может, вредно всю жизнь жить в одном районе, где никогда не отделаешься от себя прежнего. Но скорее всего любой Карвер попросту набирается силы за тридцать-то лет.

ОТВЕТЬТЕ НА СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ ПО СОДЕРЖАНИЮ ТЕКСТА.

1. Как зовут вашего личного Карвера? Как вы его себе представляете (представляли в детстве)?
2. Почему нельзя просто сходить за хлебом, а надо вот так

вот выделяваться?

3. Что Слим неправильно сделал на маршруте? (А он, конечно, сделал что-то неправильно, иначе Карвер не достал бы его через тридцать лет.)

4. Какова природа Рыжего? Почему вы при первом прочтении увидели его именно котом? (Если вы увидели его собакой, вы входите в группу «Б».)

5. Как сложится дальнейшая судьба Вэл? Если вам кажется, что она станет почтенной матерью семейства, вы относитесь к группе «Б». Если вам кажется, что она сопьется и вообще пропадет в дурном обществе, все обычно. Если у вас нет никаких догадок о судьбе Вэл, подбросьте любую монету. Если орел, пять отжиманий, если решка, то двадцать прыжков на месте.

17 июля

Сегодня мы вычисляем ваш Финансовый Индекс.

Это важная постоянная для каждой отдельной жизни. Люди придают ей непозволительно мало значения, а часто вообще не знают, что это такое. В результате у них нет денег. Приготовьтесь к тому, что речь о деньгах в этой книге будет идти часто, и вообще мы взяли за нее главным образом ради них. Подчеркиваю: мы, а не я и не вы. У меня деньги уже есть, потому что я уже прошел «Квартал», и столько, что прибыли от продажи книги мне их не сильно прибавят. Я этой прибыли вообще могу не заметить, потому что знаю свой Финансовый Индекс и действую, исходя из него. Даже если вы, как я советую, купите три экземпляра – прибыль будет почти незаметна на фоне того, что уже есть. Так что, напоминаю, все ради вас, а не ради меня.

Но если даже абстрагироваться от разговора о наших личных деньгах – мы именно потому их упоминаем так часто, что деньги не последняя в жизни вещь. Я мало помогал людям, и многие, наверное, даже скажут, что я игнорировал их, занимаясь только своими делами. Это так, потому что никто, кроме меня, моими делами не занимался и намерения такого не выражал. И я вряд ли бы позволил, кстати. Но я действительно считаю, что, когда можешь, надо дать денег, и это единственная форма помощи, которую не стыдно пред-

ложить и принять. Никогда не стыдно взять деньги, потому что это не унижение, а наоборот. Если вам дают – значит, в вас вкладывают. Значит, вы стоите того. Чем еще помогать? Сидеть рядом и говорить уси-пуси? Держать за ручку? Я понимаю, что некоторые нуждаются именно в этом, что некоторым необходимы именно уси-пуси и ручка, что женщина, например (особенно если это настоящая женщина, а не автомат для вложения денег), измеряет вашу любовь только количеством вашего времени, которое вы готовы на нее тратить. Отрывая от любых дел, в том числе объективно важных. Это нормально, они не понимают по-другому, они хотят только, чтобы вы вокруг них вились. Парадокс в том, что стоит вам начать виться – к вам мгновенно теряется интерес, и дальше можно гордо, с полным сознанием правоты уйти к тому, кто будет вытирать об нее ноги. А вам доверительно объяснить: понимаешь, он особенный человек. Не такой, как мы с тобой. (Лолита так сказала Гумберту про Куильти: он особенный человек. Гумберту! Который за три месяца написал все это! Про Куильти! Ведь мы Куильти почему-то прощаем, что он педофил, а ведь он растлевал нимфеток сотнями. То есть мы на позиции Лолиты. Гумберт виноват, а этот нет. За грех всегда отвечает тот, кто его сознает, – а с того, кто его не чувствует, он как бы списывается, не замечали? То есть если ты знаешь, что нельзя, и делаешь – это грех, а если тебе вообще все по барабану, то пожалуйста. Кратчайший путь к состоянию святости – отсутствие морального компаса

вообще.) Так вот, особенный. Он не может мной заниматься и вообще ничем заниматься, он занят действительно великими делами. И я не могу, слышишь, не могу уже быть ни с кем другим, после того как подышала этим горным воздухом. Некоторые еще говорят – горним, это если они, что называется, прикоснулись к вере.

На самом деле, конечно, он не занимается ничем важным – потому что человек, занимающийся чем-либо важным, понимает иерархию вещей и не станет вытирать ноги об окружающих ради самоутверждения. Он просто вытирает ноги или дает ей в морду, но она из этого по дефолту делает вывод, что он ну правда занят чем-то великим. Большинство людей, якобы занятых чем-то великим, большую часть времени блядут и пьянствуют, но поскольку они вытирают ноги и вообще ведут себя как свиньи, то и возникает ощущение величия. Люди, которым в качестве помощи нужны уси-пу-си, охотно покупаются на это, потому что строят представления о мире, опираясь на внешние вещи.

Нет. Я считаю, что помощь – это дать денег, чтобы вы помогли себе сами. Деньги – это символ свободы. И ваш Финансовый Индекс – это именно степень вашей свободы и удачливости, а не хищничества и не каких-то «способностей к бизнесу», которых никто никогда не видел. Ваши способности к бизнесу – это количество ваших денег, и только. И ничего тут списывать все на внешние обстоятельства. Если у вас есть способности, но нет результатов – это значит все-

го лишь, что у вас нет способностей. Займитесь чем-нибудь другим.

Это все, как вы понимаете, был не праздный треп, а тонкая настройка вашей психики на то, что мы сейчас будем делать. А делать мы будем вот что: мы выходим на улицу и идем в сбербанк или любое другое место неподалеку, где продаются лотерейные билеты. Да, именно лотерейные билеты любого тиража, мгновенного действия. Такие как «Святая Русь» или что-то там про животных, с изображением симпатичных утконосов, которые как бы смотрят на вас и говорят: ну что, лох? Я тоже лох. Я не утка и не бобер, я переходный вид, идиотское яйценосное млекопитающее. Но вот тут есть еще один билет, с изображением настоящего бобра, упорного истребителя деревьев, вечного труженика. Купи его, и он выиграет. Ладно, вы покупаете бобра, и спустя пять секунд ожесточенного трения монеткой о серебристую надпись «Стирать здесь» вы уже как бы слышите его бодрый, бобрый голос: ну что, лох? Я тоже лох. Всю жизнь грызу, а толку. Никто не любит. Если у кого-нибудь сосед – вечный труженик, долбящий стену с утра по воскресеньям, про него непременно говорят, что он похож на бобра. Юрий Михайлович Лужков был похож на бобра, но это ему не помогло. Но вот перед нами рысь, хищная рысь. Эта не будет рассоливать, она нам точно выиграет. И продающая билеты девушка смотрит на нас так заискивающе. От нашей доверчивости зависит ее прибыль. И вот мы покупаем рысь, и спустя

пять секунд она уже смотрит на нас, как бы говоря: ну что, лох? Я тоже лох. Со мной случилась однажды такая история. В одном зоопарке сотрудник, который нам вольеры чистил, такой же лох, плохо запер дверцу между мной и тигром. Ну и все – кровь, кишки, ключья меха. Наш лох-уборщик со своей шваброй возвращается, смотрит на это дело, кладет в штаны огромную кучу и бежит к директору. Кранты, скандал, увольнение – так это, значит, он думает, пока бежит, и мучительно на бегу пытается сочинить отмазку. Ну и влетает к директору – а время раннее, серое. «Т-т-там, т-т-там... Там у н-нас... Там ТИГР СЪЕЛ РЫСЬ!» Директор сидит за столом сонный, замученный, пожарные на него наехали, денег нет, все достали, кругом не люди, а звери. Смотрит он на уборщика красными глазами, достает из ящика толстенную книгу учета и помечает, бормоча: «Минус рысь». Вот так вот – минус рысь, и вся моя короткая несчастливая жизнь и ужасная смерть умещаются в два слова.

Но на ком-то нам непременно повезет, мы в это верим, как и Святая Русь на что-то надеется в 121-й раз. Слава богу, эти билеты дешевые. Мы играем ровно до тех пор, пока нам не выпадает первый выигрыш, хотя бы самый мизерный: пусть даже еще один лотерейный билет. Словом, пока вместо рокового «билет без выигрыша» не откроется роковое «30 рублей».

Берем деньгами, ни в коем случае не билетом! Эти деньги храним, что с ними делаем – объясню потом. Запоминаем

порядковый номер выигрышного билета – 5-й, 10-й, 30-й, неважно. Если повезло на первом, то поздравляем, единица – хорошее начало.

Дальше нам надо найти монету. Любую, неважно какую, любого достоинства и страны. Ищите вдоль всего Квартала. Обычно они валяются у газетных киосков, у того же сбербанка, просто на асфальте. Обойдите весь Квартал. У табачных еще бывают. Не отчаиваемся. Я же говорю, деньги валяются под ногами, и это лучший символ денег, валяющихся под ногами. Нашли? Подняли? Отлично. Рубль берем за единицу. Номер вашего счастливого билета умножаем на достоинство монеты. Если нашли полтинник – на 0,5, если 10 копеек – на 0,1.

Дальше самое трудное. Если не можете этого сделать, не делайте. Но тогда вы честно приплюсуете себе ноль, а это не очень хорошо для Финансового Индекса. Не страшно, но нехорошо. Короче, стоя около магазина, или табачного киоска, или метро, если оно есть у вас в Квартале, вы должны попросить у любого понравившегося вам человека – не милостыни, нет, но немного добавить. Исходя из вашего внешнего вида, возраста, костюма, можете выбрать:

- на пиво;
- на мороженое;
- забыл дома кошелек, умоляю, больной ребенок, на бутылку молока;
- ограбили, помогите на билет в метро, вечно буду за вас

молиться;

- ограбили, помогите на билет в Таджикистан, вся Москва будет вечно за вас молиться;
- расскажите стишок, спойте песенку;
- сыграйте на скрипке.

Цифра первого подаяния – обычно это бывает 10 рублей, но если вы хорошенькая девушка, то может повезти и на 50, а может, вся жизнь наконец устроится – прибавляется к получившемуся результату. Это важный показатель. Если первая цифра говорит о вашей удачливости, а вторая – о находчивости, то третья характеризует способность и желание других людей помочь вам: это не последняя вещь в финансах.

Теперь нетрудное, но сложное: заодно поймете, в чем разница между трудным и сложным. Берете свой кошелек. Если кошелек у вас нет, покупаете. Если не на что – выбываете: с безнадежными случаями я не вожусь. Итак, кошелек. Это можно уже дома. Подсчитываете ВСЕ деньги, которые там есть, включая те, что на пластиковых картах. (Льготные карточки, всякие скидки и прочая в счет не идут: только то, что можете снять.) Не забудьте подойти к банкомату и проверить. Если вдруг у вас нет пластиковых карточек, считаете только наличность, всю, до последней копейки. Вот ровно то, что у вас при себе. Заначки не считаются: то, что припрятано в книгах, на балконе, в платяном шкафу, – это не есть актуальный резерв, вы никогда не решитесь их потратить, как не соберетесь и похудеть. То, что на счету и на книжке, – тоже

не считаем. Только если счет привязан к карточке. Короче, только то, что есть при вас. Допустим, в кошельке 3 тысячи, на одной карточке 20, на другой 10. Если в валюте – переводите в рубли. Просуммировали? Делите на число прожитых вами месяцев. Не лет, не дней – месяцев. Это очень важно. Полных: неполные не в счет. Сложили? Поделили? Если справились без калькулятора, съешьте шоколадку. Полученную цифру округляем до единиц, дроби нас не интересуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.